

История,

которую

нельзя

рассказывать

Дж. Каспер Крамер

Джессика Каспер Крамер

**История, которую
нельзя рассказывать**

«Самокат»

2019

Каспер Крамер Д.

История, которую нельзя рассказывать / Д. Каспер Крамер —
«Самокат», 2019

ISBN 978-5-00167-080-3

Румыния, 1989 год. Люди живут в постоянном страхе — Вождь-диктатор, тайная полиция Секуритате следят за каждым, а за любые действия против власти можно получить наказание. Читать запрещённые книги, смотреть запрещённые фильмы, слушать запрещённую музыку — серьёзное преступление. А самое опасное здесь — писать. Вот только для Иляны нет ничего увлекательнее, чем придумывать истории и записывать их в самодельную книгу. Сюжетов всегда хватает: можно пересказать случай в школе, разговоры взрослых или любимую сказку о хитрой принцессе. Но однажды пропадает дядя Иляны Андрей — поэт, опубликовавший антиправительственную поэму. Родители Иляны понимают: может случиться беда. И прячут её в далёкой деревне в горах, у бабушки и дедушки, которых она никогда в жизни не видела. Там, вдали от города, где каждый может оказаться шпионом и доносчиком Секуритате, она будет в безопасности. Но когда враг везде, спрятаться невозможно... Невероятный дебютный роман Джессики Каспер Крамер показывает страшный и тревожный период румынской диктатуры накануне свержения режима глазами десятилетней девочки.

ISBN 978-5-00167-080-3

© Каспер Крамер Д., 2019
© Самокат, 2019

Содержание

Пролог	6
Социалистическая поэзия	7
Заражение	12
Сын пекаря	17
Туда, где безопасно	23
Хитрая Иляна и три принца	27
Деревня из маминых рассказов	31
Между строк	35
Правда или вымысел	39
Что гложет меня изнутри	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Джессика Каспер Крамер

История, которую нельзя рассказывать

Мистеру Хауэллу, моему учителю в пятом классе. Помните, я обещала: первая книга будет для Вас.

Пролог

Однажды кое-что случилось. А не случилось бы – и рассказывать было бы нечего.

К западу от Чёрного моря лежит прекрасная страна с древними лесами, реками и длинной горной грядой. Страна эта зовётся Румыния, и о ней пойдёт мой рассказ. Когда-то Румынией правили князья, короли и даже римские императоры. Но не так давно власть оказалась в руках коммунистической партии, которая нечестным путём провела выборы и сделала предводителем тщеславного самолюбца.

Поначалу народ Румынии верил, что жизнь изменится к лучшему. Новый глава государства был из простых людей, как и многие граждане, – когда-то он жил в деревне и работал подмастерьем сапожника. Правитель обещал привести страну к процветанию, и, вероятно, так и собирался сделать. Но власть завладевала им всё больше и больше и в конце концов, как часто бывает, поглотила его целиком.

Правитель стал устраивать парады в свою честь. Взял под контроль прессу, телевидение и радио, чтобы они говорили только то, что ему по нраву. Он разрушил церкви и больницы и вынудил сорок тысяч человек покинуть свои дома в Бухаресте, чтобы он мог построить для себя одного великолепный дворец с винтовыми лестницами, мраморными полами и туалетом из чистого золота.

При таком правителе народ Румынии обнищал и впал в отчаяние. Детские приюты были переполнены. Бензин, воду и электричество пришлось строго нормировать. Каждый день люди часами стояли в очередях, просто чтобы купить еды, а иногда и покупать было нечего. Но хуже всего была тайная полиция, Секуритате, которая вынуждала людей шпионить за соседями и друзьями и доносить обо всём правительству. Иногда агенты Секуритате даже похищали, пытали и убивали тех, кого считали угрозой.

Люди жили в постоянном страхе: они не знали наверняка, кто за ними следит. Опасность таилась везде: нельзя было читать запрещённые книги, слушать запрещённую музыку, смотреть запрещённые фильмы.

Но опаснее всего было писать. Если написать запретные слова, если рассказать запретную историю, можно было попросту исчезнуть.

Социалистическая поэзия

Папа вернулся домой из университета с бледным осунувшимся лицом, будто заболел. Бросив портфель на пол в кухне, он оперся о раковину и сказал:

– Он пропал. Они его убили.

Мама, сидевшая за столом, отложила журнал «Фемейя», который читали все женщины Румынии. Затем глянула на меня, встала, сняла с папы шляпу и повела его в их комнату. Дверь за ними тихо закрылась.

Была середина июля 1989 года; электричество в Бухаресте работало с перебойми и часто отключалось. Мы жили в многоэтажке, и в квартире было очень жарко – мы тушились в собственном соку, как голубцы в сотейнике. Поэтому балконные двери всегда были открыты настежь – чтобы по комнате гулял ветерок.

Я распласталась в зале на полу. Рядом лежала Большая Книга, и от тёплого дуновения страницы с моими историями тихо шелестели. Отложив цветной карандаш в сторону, я прислушивалась к звукам по ту сторону стены, и с каждой секундой сердце у меня билось всё чаще.

Наша квартира была очень маленькая, с порога её можно было охватить одним взглядом: балкон, где мы сушили выстиранную одежду; зал с кухней; крошечная ванная с туалетом, моя комната и родительская спальня. Мама говорила – не при папе, который пресекал такие разговоры, – что если нас опять заставят переехать, то наша семья со всеми пожитками поместится в шкаф. Мама скучала по нашей старой квартире со столовой, кладовкой для продуктов и угловым кабинетом, где стояло её пианино. Я не помнила ту квартиру: когда мы съехали, я была ещё совсем маленькой. Но я знала, что родители смогли взять с собой только то, что получилось унести. Им дали на сборы всего день.

Пока я сидела в зале, напряжённо вслушиваясь в голоса за стеной, в голове крутилось, что теперь нас ждёт ещё один переезд. Что-то сильно напугало папу, и из-за этого нам придётся собрать вещи и уехать. Интересно, следующая квартира будет ещё хуже этой? Когда Вождь разрушил наш прежний дом, чтобы построить себе дворец и широкий бульвар, мы, как

и все остальные, оказались в одной из жутких блочных многоэтажек, совершенно одинаковых и тесно прижатых друг к другу. Иногда я представляла, как моя семья жила раньше: в кладовке полки ломились от буханок хлеба и банок с вареньем, папины книги стояли рядами на стеллажах от пола до потолка. В моих фантазиях у нас всегда было вдоволь еды, а горячая вода текла из крана не только в субботу вечером. Мы могли купаться когда угодно, даже зимой и даже при отключенном центральном отоплении.

Но я собирала истории, и выдуманные, и настоящие.

И умела отличить правду от вымысла.

У моей семьи никогда не было вдоволь еды. И воды горячей тоже не было, и света, и много места, где жить. В свои десять лет я уже замечала, что все, и я в том числе, говорили о прежних временах каким-то особым тоном и особыми словами. Раз мы верили, что раньше жилось лучше, то могли и представить, что всё наладится вновь. Так мы выживали.

Из-за двери родительской спальни слышался глухой стук – будто кто-то ударил кулаком по комоду. Я подскочила, когда шум раздался снова. Приглушённые звуки докатывались до меня волнами: громкий голос папы, шиканье мамы. Я знала, что она просит его говорить потише не из-за меня, а из-за соседей, которые могли подслушивать за стеной, кто угодно мог случайно оказаться на лестничной клетке, остановиться и достать ручку и блокнот. Всегда лучше держать в уме, что кто-нибудь может подслушивать.

Когда дверь в родительскую спальню наконец открылась, я притворилась, что пишу в Большой Книге, – чтобы родители не заметили, как мне страшно. «Сын пекаря» – моя новая история, пересказ одной истории, которую нам рассказывали в школе. Но я не могла сосредоточиться на словах. Родители начали молча накрывать на стол к ужину, а я поглядывала на них украдкой. Пытаясь не гадать, кого убили, я принялась рисовать батоны золотисто-коричневого хлеба на полях первой страницы. Но когда солнце село, в тусклом свете все яркие краски Большой Книги стали мерзко-серого цвета, поэтому я подняла её с пола и отнесла на диван.

Электричество до сих пор не дали, и в тёмном экране телевизора я видела только своё отражение. Но всё равно села и стала тарашиться в экран. Я слегка повеселела, вспомнив свои любимые фильмы, хоть и знала, что посмотреть их больше не получится.

Раньше у нас работало два канала, и по ним весь день шли передачи. Мама до сих пор иногда вспоминает американское телешоу с мужчиной в ковбойской шляпе, где в конце кто-нибудь обязательно ловил пулю или взрывался в машине. Но сейчас у нас остался всего один канал, который включают только на два часа в день. И таких телешоу больше не показывают. Обычно по телевизору идёт что-нибудь скучное: записи обращений Вождя к народу; съезды коммунистической партии – крошечные человечки на экране вместе что-то скандируют и одновременно вскидывают кулаки; трансляции, в которых гражданам дают рекомендации по «рациональному питанию» или вежливо напоминают о начале комендантского часа.

Впрочем, по воскресеньям показывали анимационные фильмы, и можно было застать целых пять минут какого-нибудь мультика. Все, кто имел телевизор, старались не пропускать время показа. Прошлым летом я таким вот образом посмотрела все серии «101 далматинца» и потом хвасталась ребятам в школе. В этом году шли «Коты-аристократы», и в последней серии бедные котята оказались где-то за городом одни и сильно испугались. Следующую пятиминутную серию покажут только на выходных, но, если дадут электричество, возможно, наша самодельная антенна поймает какую-нибудь интересную болгарскую телепередачу и мы все вместе сядем её смотреть. И, как всегда, забудем обо всём плохом.

Похоже, сегодня мне повезло: когда мы садились за стол, дали электричество.

– Можно мне включить вентилятор? – спросила я папу.

Иногда он не разрешал. Если превысить лимит на электроэнергию, придётся платить высокий налог. Но сегодня папа даже не посмотрел на меня, только махнул рукой – я это при-

няла за согласие – и сел за стол. Морщины вокруг его глаз за большими стёклами очков стали как будто глубже, и я встревожилась: вдруг он и правда заболел?

Вернувшись за стол, я подставила голову под поток воздуха от вентилятора, чтобы ветерок трепал волосы, и, опустив взгляд в тарелку, ковырнула вилкой еду. Пирог с баклажанами и картофелем, без мяса. Очередь в мясной отдел была слишком длинная. Человек, следивший за порядком в длинной веренице людей, сказал нам с мамой, что придётся ждать пять, а то и шесть часов, чтобы получить по карточке нашу норму. Я думала, мама предложит нам стоять посменно, но мы просто пошли домой.

Откусывая понемногу от куска чёрствого хлеба и отодвигая вилкой баклажаны к краю тарелки, я изо всех сил старалась не жаловаться. Папа всё ещё молчал. Вид у него был по-прежнему болезненный, я то и дело поглядывала на его лицо. Мне хотелось, чтобы кто-нибудь из родителей заговорил. Я знала, что они не расскажут, кто убит и почему, – они и раньше не рассказывали, но чем дольше мама с папой молчали, тем больше мне не терпелось узнать – ведь наверняка это был кто-то важный.

Не вытерпев, я попыталась привычным способом заполнить тишину – рассказать историю.

– Хотите послушать новую историю?

– Лучше в другой раз, – сказала мама.

В животе у меня ёкнуло. Кровь прилила к щекам. Родители никогда не отказывались меня слушать.

Я снова принялась ковырять вилкой еду и гадать, кто же умер. Мне стало страшно. Раньше так никогда не было. Раньше папа не придавал этому такого значения.

Папа отложил вилку.

– Так вот чем ты сегодня занималась? Истории писала?

Я подумала, он сердится, что я не делаю задание на летние каникулы, поэтому быстро ответила:

– Это школьная история. Госпожа Думитру рассказала нам её перед каникулами.

– В другой раз, – повторила мама, и теперь я уловила в её тоне предостережение.

– Нет, я хочу послушать. Хочу знать, что они рассказывают моей дочери. Хочу знать, о чём она пишет.

Я вжалась в стул, переводя взгляд с мамы на папу. Тут пробили часы, и я спросила:

– Можно мне выйти из-за стола?

Мама глянула на мою тарелку, нахмурилась, но кивнула.

– Отнеси посуду в раковину. И выключи вентилятор – простудишься.

– Так что насчёт рассказа? – напомнил папа.

– Я забыла, что не дописала его, – соврала я.

Наполнив раковину мыльной водой, я включила телевизор и села на продавленный диван. По чёрному экрану шли помехи. Я глянула на балкон: может, кто-то забрался на наш этаж и украл антенну? Но нет, ничего такого. Я обернулась к родителям. Меня одолевали сомнения. Мама мыла посуду, опустив руки по локоть в воду, папа помогал вытирать. Оба по-прежнему молчали – это был плохой знак.

Обычно после ужина мне приходилось включать телевизор погромче: мама любила петь, а папа всегда принимался подпевать, хотя ему медведь на ухо наступил. Или же они болтали о работе.

В старой квартире мама давала уроки музыки на дому. Но, оставшись без пианино, она устроилась на работу секретаршей. Теперь мама возилась с бумажками, отвечала на звонки и перепечатывала на машинке копии документов, поскольку копировальные машины были под запретом. Иногда работы было так много, что ей приходилось запрашивать особое разрешение, чтобы забрать печатную машинку домой.

– У меня самая ужасная работа на свете, – говорила мама.

– По крайней мере, безопасная, – отвечал папа.

Папа был профессором в Бухарестском университете, он читал лекции по литературе и литературной композиции. Сам он писателем не стал, но истории любил почти так же сильно, как я, поэтому всю жизнь учился их слушать. Он умел проникать в самое сердце истории и понимал, отчего оно забьётся, а отчего остановится. И этим даром папа поделился со мной.

Если после ужина папа не пел или не разговаривал с мамой, то, как правило, терпеливо обсуждал со мной новые идеи для рассказов. А когда отключали электричество и мы не могли посмотреть телевизор, папа зажигал свечу, я приносила ему очки для чтения и мы уютно устраивались на диване с книгами.

Обычно после ужина наша семья находила какие-нибудь поводы для радости, даже в самые трудные времена. Но сегодня папа молчал. Он сгорбился как старик – или как будто на плечах у него лежал мешок с камнями. И хотя кухня находилась совсем рядом и до папы было рукой подать, казалось, он далеко-далеко, в сотне километров от меня.

И то, что его терзало, стало терзать и меня.

Я подползла к телевизору и принялась крутить переключатель каналов, пытаюсь поймать болгарский. Мы не говорили по-болгарски, но передачи у них получше наших. Когда показывали «Коломбо», папа иногда притворялся, будто понимает, о чём там речь: придумывал какие-нибудь глупые реплики, и мы все смеялись как сумасшедшие. Если и сегодня так выйдет, жизнь станет прежней, и будет уже неважно, кто там умер, и всё будет как всегда.

– Мам, по телевизору ничего нет! – крикнула я, теряя последнюю надежду.

Мама бросила взгляд на часы.

– Тогда смотри новости.

– Мам, ну пожалуйста.

Она вытерла руки, шумно вздохнула и вышла на балкон покрутить антенну. Когда мама вернулась, по экрану по-прежнему шли помехи, поэтому она переключила канал на вечернее государственное вещание.

– Я хочу посмотреть болгарский сериал! – заволновалась я. Смотреть новости – хуже нет затей. Чаще всего родителей они только больше расстраивали.

Я не унималась, и мама шикнула на меня и пару раз легонько шлёпнула по затылку. За спиной у диктора новостей мелькали чёрно-белые фотографии Вождя с прилизанными седыми волосами и по-детски пухлыми губами. Рядом была его жена в платье-костюме и с ниткой крупного блестящего жемчуга на шее. Её всегда фотографировали анфас, чтобы нос казался поменьше. Вместе они стояли перед огромной толпой, а на стене у них за спинами были гигантские плакаты с лицом Вождя. Люди хлопали в ладоши. Флаги развевались на ветру.

Я демонстративно сползла с дивана на пол и, перевернувшись на живот, принялась стонать и не прекращала до тех пор, пока мама не подошла и не похлопала меня ступнёй по попе.

Должно быть, включили выступление Вождя: я услышала, как он обращается к ревушей толпе и говорит о том, как важно хранить верность своей стране и ценить поэзию.

– Все любят хорошие стихи о любви, – произнёс он. – Но, конечно, высшая форма искусства – это социалистическая поэзия.

Мама села на диван и позвала папу:

– Лючиан.

Он подошёл ближе. Я перестала ёрзать и подняла голову.

Вождь прочёл несколько строк из стихотворения. Я знала автора. Мы проходили его в школе. Это стихотворение восхваляло государство и коммунистическую партию.

Но я знала и другие стихи этого поэта, вот только учителя не читали их на уроках. А знала я их потому, что этот поэт учился в университете вместе с дядей Андреем, папиным братом. Он написал много всякого, чего не следовало писать, и в тех стихах он отзывался о

нашей стране совсем не так лестно. И незадолго до смерти – до того, как однажды ночью его переехал трамвай, – вдохновил дядю, чтобы он тоже писал стихи.

Я сжалась и посмотрела на папу.

– Какие чудесные строки, – с улыбкой сказал диктор, когда вставка закончилась. – Наши писатели и поэты должны всегда стремиться к такому красивому слогу.

Папа побелел как мел. Когда он всхлипнул, я вся обмякла. И почувствовала, что тоже вот-вот заплачу, но тут мама поднялась с дивана и велела мне идти к себе в комнату.

– Не волнуйся, папе просто нездоровится, – сказала она.

Но я знала, что мама говорит неправду – я ведь собирала истории.

Я знала, что мой дядя, поэт, не приходил домой уже неделю. И теперь я знала и ещё кое-что: это про него мой папа сказал «Они его убили».

Но распознать ложь и узнать правду – не одно и то же.

Папа плакал не только потому, что боялся за брата – брата, который писал опасные стихи.

Он боялся ещё и за меня.

Заражение

Сколько себя помню, я всегда засыпала под папин голос. Мама говорила, папа начал рассказывать мне истории ещё до моего рождения, когда я была у неё в животе, и они проникали в каждую клеточку моего тела и формировали мою личность.

У моей самой любимой истории нет концовки. Это старая народная сказка «Хитрая Ильяна», в честь которой меня назвали. По сюжету принцесса должна одолеть трёх злобных принцев. Но так получилось, что за всё моё детство, рассказывая мне её перед сном, папа так и не добрался до концовки, потому что каждый раз начинал сказку с начала. Иногда он засыпал первым: голова клонилась на грудь, очки сползли с длинного носа, язык еле шевелился. Но чаще первой засыпала я.

– Я не засну, пока ты не доскажешь, – всегда говорила я. – Так что и ты не спи.

Обычно папа клятвенно обещал, что не уснёт, и это тоже было своего рода ритуалом, благодаря которому эта сказка и стала такой особенной для нас обоих.

В тот вечер, когда папа плакал, я лежала в постели, укрывшись одеялом до подбородка, и ждала, когда он придёт рассказывать мне вечернюю историю. Я убеждала себя, что всё в порядке. Папа не может знать наверняка, умер дядя или нет. Если Секуритате его забрали, то могут и отпустить. Всё ещё наладится.

Я напрягла слух, чтобы не пропустить звук папиных шагов за дверью комнаты. Затем зажмурилась и мысленно поклялась себе не засыпать, пока он не расскажет всю сказку до конца. И на этот раз, как бы сильно я ни устала, я точно-преточно не засну.

Но папа так и не пришёл.

И следующим вечером тоже.

И вечером после.

Во вторник утром я проснулась с ощущением, что мои кости будто становятся полыми, потому что истории, которые меня сформировали, потихоньку улечиваются из тела. Прошло уже три дня с того вечера, как папа плакал. Я трижды молча ужинала, трижды наблюдала, как родители молча моют и вытирают посуду. Трижды меня отправляли спать раньше обычного,

и трижды я оставалась без истории на ночь, даже из книжки. Но что хуже всего, было ясно, что дело не только в дяде – каждый раз, когда я доставала Большую Книгу, папа наблюдал за мной с беспокойством и горечью.

У меня было такое чувство, что нашу квартиру словно поместили на треснувшую стеклянную полку. И я ходила по комнатам на цыпочках: один неверный шаг, и всё полетит в пропасть. Как, например, когда я забывалась и жаловалась на баклажаны или печёнку или когда однажды вечером принялась ныть, что не хочу чистить зубы.

Делу не помогало и то, что на прошлой неделе начались летние каникулы и я целыми днями торчала дома в одиночестве. Других вариантов просто не было. Мамины родители жили где-то в горах на другом конце страны, но даже если бы они жили ближе, их всё равно не попросили бы приглядывать за мной. Мама сбежала из деревни ещё подростком. Она не разговаривала с родителями с моего рождения. Раньше летом за мной присматривал дядя Андрей, когда бывал трезвым. И ещё бабушка с папиной стороны, моя бабуля, которая пережила своего мужа. Но теперь ни бабули, ни дедули больше нет, а может, и дяди Андрея тоже.

Никому из соседей родители не доверяли. И никому из своих друзей (и знакомых) тоже.

– Ты оставишь её одну в нашей квартире? – спросила мама папу о пожилой dame, которую они оба знали много лет. – Она будет трогать наши вещи, полезет смотреть мои рецепты.

– И что же такого страшного она там найдёт? – рассмеялся папа.

– Что-нибудь да найдёт.

Конечно, поначалу, когда меня всё-таки стали оставлять дома одну, я очень радовалась. Я ведь месяцами твердила родителям, что уже достаточно взрослая, мне же целых десять лет. Мама всегда была за женскую независимость (особенно когда мужчины постарше на эту независимость покушались), поэтому объявила, что всецело доверяет мне. Но папа считал, что я безответственная и недальновидная. Он думал, что если оставить меня одну в квартире, то случится какая-нибудь беда.

Увы, он оказался прав.

Первым нарушенным запретом стал вентилятор, который я обещала не включать, но включила.

Я не виновата. Ну, не совсем. За эти дни произошло столько всего плохого – мы не разговаривали за ужином, родители не пели за мытьём посуды, папа не говорил всякие глупости во время болгарского сериала и не рассказывал мне истории на ночь, – что я была уже на грани. На третий день я сама поняла, что папе горько и страшно оттого, что дядя Андрей наверняка попал в беду, но родители так ничего мне и не рассказали. Моё воображение само заполнило пробелы. И, сидя в одиночестве в квартире, я маялась.

Так что, когда дали электричество, первым делом я включила вентилятор.

Я сидела за кухонным столом, холодный воздух задувал мне под футболку, и я упивалась своим бунтом. Раз родители что-то от меня скрывают, значит, и у меня будут от них секреты. Вслед за первым правилом я вскоре нарушила и следующее. Я обещала делать уроки на лето, но нет, этому не бывать. Отодвинув в сторону сочинение по литературе и тетрадку с заданиями по естествознанию, я освободила место для Большой Книги.

Её хлипкую картонную обложку украшали приклеенные стразы из пластика и целая россыпь блёсток. Страницы я взяла из тетрадок на пружине, жёлтых линованных блокнотов и наборов цветного картона. Большая Книга стала делом всей моей жизни – это была внушительная коллекция написанных от руки историй, ни в чём не уступающих книжкам на полке. Некоторые я переписывала из книг, меняя всё, что мне в них не нравилось. Другие были пересказом историй, которые я слышала от разных людей, и не всегда было понятно, что в них правда, а что нет. Конечно же, лучшие истории я целиком придумала сама. Я нарочно не прошивала страницы, чтобы можно было менять куски местами или вставлять новые версии, и с

годами Большая Книга становилась всё толще и толще, так что в конце концов папа дал мне старый ремень, которым я её перетягивала, чтобы закрыть.

Как следует сосредоточившись на новой истории, я взяла цветные карандаши из помятой голубой консервной банки, разложила их по длине и похрустела пальцами, в точности как дядя Андрей. Папа больше не рассказывает мне истории на ночь, думала я, тем важнее продолжать их писать.

Но в голову ничего не приходило.

Я долго смотрела на чистый лист. С каждым мгновением моё воображение угасало. И вот когда я уже было решила бросить это занятие и сесть за математику, в дверь постучали.

Я замерла. К нам никто никогда не приходит, когда родителей нет дома. Впрочем, папа несколько раз мне объяснял, как вести себя в таких случаях, поэтому я велела себе успокоиться.

– Просто не отвечай, – говорил он. – И постарайся вести себя очень тихо.

– Притворись мёртвой? – спрашивала я, улыбаясь.

Он невозмутимо отвечал:

– Ага, точно. Притворись мёртвой. Главное, не отвечай.

Так что я не шелохнулась и только слушала, как шумит вентилятор. Незванный гость постучался снова и крикнул:

– Есть кто дома?

Я сидела тихо. Человек за дверью уйдёт. Непременно уйдёт. Папа не объяснил мне, что делать, если уходить чужаки не захотят. Видимо, он не рассматривал такую возможность.

Незнакомец начал возиться с дверным замком.

Я кинулась к двери с криком, схватилась за дверную ручку, потом за щеколду, чтобы её не отодвинули с той стороны.

– Не входите! – заорала я.

Судя по звуку, человек отпрянул от двери.

– Ты до смерти меня напугала! Я ведь два раза стучал!

– Вы вор-домушник, я сейчас полицию вызову!

– Да никакой я не домушник! Электрик я! Хозяин дома дал мне ключ. Мне нужно заменить провода.

Я задумалась. Вроде бы логично.

– Слушай, девочка, у меня полно квартир на очереди. Ты меняпустишь или мне управляющему звонить?

– А где надо заменить провода? Я пойму, если вы вздумаете меня обдурить. Я прочла целиком книжку об электротехнических правилах и нормах.

Это было наполовину правдой. Вообще я только картинки посмотрела. Это руководство папа принёс вместе со стопкой других книжек, которые достал из библиотечного мусорного бака. Книжки выбрасывают порой по очень странным причинам. Папе не нравилось приносить их домой тайком, но надо же было как-то находить для меня книги. Я читала быстрее, чем он успевал добывать новые.

За дверью на некоторое время воцарилась тишина. Из-за меня люди часто теряли дар речи. Затем незнакомец медленно проговорил:

– В вашей квартире большой расход электроэнергии. Твой папа попросил хозяина дома прислать кого-нибудь для проверки. Понимаешь? Это твой папа попросил меня прийти.

Я посмотрела на вентилятор и съёжилась.

Если я позвоню папе и спрошу, правду ли говорит этот человек, наверняка придётся признаваться, что я нарушила правила. Если позвоню маме – а она обычно проявляет гораздо больше понимания в подобных случаях, – её начальник запросто может заметить, что она болтает по телефону во время работы, и отругать её за это.

Либо то, либо другое. Один неверный шаг – и всё пропало.

Я стиснула зубы, отперла дверь и, приоткрыв её совсем чуть-чуть, увидела мужчину в кепке и сером комбинезоне с поясом, увешанным инструментами. Ещё у мужчины была сумка, в которой тоже наверняка лежали инструменты. Он выглядел как электрик, а не домушник, хотя я знала, что иногда домушники маскируются. Я буду пристально за ним следить, и если мне покажется, что он совсем не разбирается в электрике, тогда я схвачу Большую Книгу и побегу к соседям звонить в полицию. С Книгой бежать очень быстро я вряд ли смогу – она ведь тяжёлая, громоздкая и неудобная. Но не оставлять же её в квартире. Я за неё жизнь отдать готова.

– Я войду? – спросил домушник.

Я прищурилась и открыла дверь пошире, чтобы он мог пройти, а потом стала следить за ним из кухни. Домушник зашёл в зал, заглянул за шкафы. Постучал по стенам. Я взобралась на кухонный стол, на котором мама обычно готовила. Рядом с плитой, около разделочной доски и пустой хлебной корзинки, лежали большие ножи. Я поглядывала на них. Если это и правда вор и злодей, он может меня убить. Тогда мне придётся пырнуть его ножом, а потом схватить Большую Книгу и убежать. События набирали обороты. Вот и сюжет для новой истории родился.

Домушник поставил на пол сумку с инструментами и обернулся.

– А мама разрешает тебе сидеть на столе?

– Да. Ей нравится, когда я тут сижу.

– Тебе нечем заняться?

– Есть чем. Я слежу, чтоб вы ничего у нас не стащили. У нас очень хороший телик.

– Я же сказал, я электрик. И знаю, что телевизор у вас дешёвый.

Он снял металлическую крышку со щитка на стене и начал там возиться с проводами. Добравшись до телефонных проводов, он вытащил наружу целый пучок, подрезал их, скрутил, и я перестала за ним следить. Мой взгляд переместился на Большую Книгу, лежавшую на столе. Я решала, какими цветами раскрасить сумку для инструментов и кепку домушника, когда я нарисую их на странице, и обдумывала, чем может закончиться эта история.

Может, домушник убьёт девочку и украдёт все ценные вещи, но потом поймёт, что влез не в ту квартиру?

Может, девочка спасётся в последний момент, но потом выяснится, что злодейка на самом деле она?

К тому времени как электрик пошёл в мою комнату, мне уже не было до него дела. Я несколько не сомневалась, что он и правда электрик, а это скука смертная. История у меня в голове была гораздо интересней. Когда электрик всё проверил, я уже снова сидела за столом и писала в Большой Книге. Он сказал, что можно не говорить папе о его приходе – домовладелец со всем разберётся. А поскольку это означало, что моя тайна о вентиляторе пока не раскроется, у меня камень упал с души.

Вечером за ужином папа спросил:

– Ничего интересного не случилось за день, пока мы были на работе?

Мне попался кусок лука, и, чуть не поперхнувшись, я выдавила с натянутой улыбкой:

– Не-а. Ничего. Суперскучный день.

Папа кивнул. Он не обратил особого внимания на мой ответ, но мама посмотрела на меня с подозрением, поэтому я поскорее зачерпнула ещё ложку мерзкого супа.

Вечером я продолжила трудиться над новой историей. И наутро в мыслях у меня были сплошные замаскированные домушники, а о настоящем электрике я напрочь позабыла.

Только на выходных начались странности: мама разговаривала по телефону и сетовала на плохую связь. Затем папа пожаловался на проблемы со звуком в телевизоре. Потом пошли непонятные звонки, когда родители были на работе. Я снимала трубку и слышала лишь какой-то треск и шипение – очевидно, это баловалось привидение, жившее раньше в квартире. Роди-

тели не верили в призраков, поэтому я не стала им об этом рассказывать, но сама забеспокоилась.

Если бы мы прижались ухом к стенам, то поняли бы, в чём дело.

Мы слышали бы, как по нашим кабелям и телефонным проводам ползают маленькие жучки и своими крохотными липкими лапками крадут чужие тайны. Но, видимо, тогда мы ещё думали, что дома безопасно. И когда мы поняли, *что* случилось, уже было слишком поздно.

Сын пекаря

Был вечер, родители сидели в зале и тихо переговаривались короткими фразами – с того дня, как папа плакал, они общались только так, и я уже к этому привыкла. Из открытого окна дуло, сквозняк покачивал туда-сюда дверь моей комнаты, а из зала доносился шёпот родителей.

На полу рядом со мной лежала Большая Книга. У меня на коленях – одна из папиных книжек. Вообще-то я должна была спать, но родители не зашли проверить, легла ли я, – точно так же они не проверяли теперь, сделала ли я уроки или как себя чувствую – может, мне грустно, или страшно, или я злюсь?

Под спину я подложила подушки. Одна из них, самая красивая, – маленькая тёмно-зелёная, с вышитой птичкой – принадлежала маме ещё в детстве. Электричества не было уже второй день, так что я читала при свете свечи. Наш город берёт электроэнергию, отдавая её заводам. Будь у нас в холодильнике еда, она бы наверняка протухла, но продукты никогда не залёживались.

– Наша страна отдаёт долг, – говорил мне раньше папа. – Строгая экономия в наших же интересах.

Но в конце марта Вождь в своём обращении к народу объявил, что все долги Румынии выплачены. С тех пор прошло уже три с лишним месяца, а электричество постоянно отключали. Очереди в магазинах становились длиннее. И всё чаще, когда мы добирались до прилавка, купить уже было нечего.

– Нужно потерпеть, – говорил папа. – Всё наладится, надо только подождать.

Папа много чего мне говорил, но верил ли он в это сам, я не знала. Как и его отец, который пережил репрессии и Вторую мировую войну, папа хорошо умел говорить уклончиво, особенно когда надо было высказать своё мнение.

Я склонилась над страницей, вглядываясь в строки, залитые оранжевым светом. Слова в папиной книге были длинные и незнакомые, мне всё время приходилось их как-то себе объяснять. Понемногу теряя терпение, я перечитывала предложения снова и снова, но не понимала смысла.

Лучше, когда написано проще, чтобы легко было читать. Когда дядя Андрей работал в городской газете, он писал простыми словами о том, что людям нравится больше всего – о футболе, театре и местных происшествиях со счастливым концом. Больше всего я любила его заметку о том, как девочка нашла своего пропавшего котёнка. «СНОВА ВМЕСТЕ!» – гласил заголовок.

Я постоянно спрашивала дядю Андрея о его заметках. Тормошила его, требовала дать мне совет. Я расхваливала всё, что он писал, даже когда чувствовала, что не всё так просто. Его поэзия была полна образов, жизни и чувств, а статьи для газеты часто получались пустыми и безжизненными. Однажды за ужином дядя Андрей признался, что почти всё в них неправда. Что интервью часто бывают постановочными или ему приходится менять слова людей, чтобы они звучали жизнерадостней.

– Я просто пишу то, что люди хотят читать, – сказал он, будто стыдясь.

Я не понимала, что в этом плохого. Разве авторам не полагается радовать читателей? И потом, его ведь печатают, а это большая честь. Дядя Андрей – настоящий писатель.

Я вырезала из газеты заметку о найденном котёнке и повесила на стену рядом с сочинением о том, как сильно я люблю Румынию. Тогда я всего лишь написала то, что хотел прочитать учитель, и заняла первое место в школьном конкурсе, дошла до финала в национальном, но выбыла, когда чьё-то сочинение о превосходных зубах Вождя оценили выше моего. И, стоя тогда перед всем классом с цветочным венком победителя на голове, я думала: «Вот что такое писательство. Вот чем занимаются писатели».

Однако когда я донимала дядю Андрея вопросами о его заметках в газете, он вовсе не радовался, как я. Он не любил обсуждать тексты, которые писал по работе, и не понимал, почему я их читаю.

Дядя часто спрашивал папу:

– Зачем ей эти заметки? Чего ради она так на них заиклилась?

– Она читает всё, – пожимал плечами папа.

– И ты ей разрешаешь?

Дядя избегал разговоров о своём творчестве до тех пор, пока его не уволили – пока его друг-редактор не помог ему опубликовать статью, из-за которой чуть не закрыли газету. После того случая дядя Андрей только и говорил, что о писательстве. Он приходил к нам домой поздно вечером, барабанил в дверь. От него пахло палинкой – фруктовой водкой, язык у него заплетался.

В последний раз я видела дядю незадолго до того вечера, когда плакал папа. Было за полночь, и, вместо того чтобы постучаться, Андрей стал звать нас из-за двери.

– Лиза! Лючиан! Иляна!

Открыла ему я и, потирая спросонья глаза, провела на кухню. Родители ещё были в спальне: ворчали, что уже очень поздно, и спешно надевали халаты. Дядя присел на корточки, криво улыбнулся и сунул мне в руки шершавый на ощупь коричневый конверт.

– Любишь читать? Вот, прочти это.

Я убежала к себе, пока не вышли родители и не забрали конверт. Закрыла дверь и стала слушать, застыв как истукан. Папа очень ругался. Мама, которая всегда поддерживала папиного брата и, в отличие от папы, часто вставала на его сторону, прошипела, что если он не примет ванну и не стирает одежду, если он ещё хоть раз придёт в наш дом с остекленевшими глазами, то она больше не позволит ему видаться с племянницей, то есть со мной.

Трясущимися руками я вытащила сложенные листы бумаги из конверта. Это была очень длинная поэма. Марка на конверте оказалась иностранной, а значит, дядино творчество опубликовали в другой стране. Под названием стояло чужое имя, не дяди Андрея. Про псевдонимы я тогда ещё не знала, поэтому и не поняла – как это так, не указать своё авторство и не получить заслуженных почестей. Дрожа, я свернулась калачиком в постели и в свете луны попыталась прочесть напечатанные строки. Из кухни доносились громкие голоса, но я старалась не обращать на них внимания. Поэма рассказывала историю о студентах Бухарестского университета. Случилась она задолго до моего рождения. Я с трудом понимала написанное: слог был лиричный и возвышенный, строки короткие, отрывистые, а ещё встречались упоминания всяких философов, писателей и политиков, которых я не знала.

Но было ясно, что студенты много слушали радио. Было ясно, что это запрещено.

Радио «Будапешт». Радио «Свободная Европа». Они впервые услышали джаз по радио «Голос Америки».

Было ясно, что студенты делали всё это в пику властям.

Но я всё равно не понимала дядин текст, пока не прочла описание того, как в университет приехали вооружённые люди. Студентов арестовали за протест, которого ещё даже не было. В тюрьме с ними творили ужасные вещи – ни с кем нельзя так поступать, ни за какие проступки, слова или мысли.

Я села в кровати, у меня бешено колотилось сердце, глаза лихорадочно бегали по страницам. Несмотря на жуткий страх, я всё же поняла, *что* я читаю.

Поэму, в которой говорится плохо о нашей стране.

И если кто-то о ней узнает, мой дядя может исчезнуть.

С тех пор как опубликовали поэму и дядя Андрей заявился к нам ночью, прошёл месяц. Но почему-то я вспомнила об этом, когда сидела на полу и читала при свете свечи папину книгу. Возможно, потому, что и тогда, и сейчас я подслушивала разговоры взрослых. Или потому, что я снова не спала в поздний час и читала при тусклом свете.

Но если честно, думаю, именно в этот миг я вдруг поверила в то, что моего дяди уже нет в живых.

Меня вдруг замутило, и когда в окно снова влетел ветер и раскрыл Большую Книгу, я опомнилась не сразу. Пламя свечи задрожало, бумажные листы разных цветов и размеров взметнулись, подхваченные порывом ветра, и разлетелись по комнате. Я вскрикнула, кинулась их ловить, и тут ко мне в комнату ворвался папа. Перегнувшись через кровать, он закрыл окно и отодвинул свечу подальше, чтобы бумага не загорелась.

– Ты должна уже быть в постели.

– Я читала.

– Тебе давно пора спать.

В комнату заглянула мама. Она выглядела уставшей, словно папина усталость передалась ей, как заразная болезнь.

– У нас всё в порядке, – заверил её папа, и она ушла.

Я скривилась, глядя на разрозненные страницы.

– Нельзя их так оставлять.

Папа вздохнул и присел на корточки. Мы принялись молча собирать мои истории. Иной раз папа поднимал с пола лист и застывал на месте. Бросив на него взгляд украдкой, я поняла, что он читает. Я вспыхнула. Моё сердце сжалось.

За всё время, что Большая Книга была при мне, – то есть, по сути, за всю жизнь – я очень редко давала кому-то её читать. Я собирала истории везде: в школе, в магазинах, из телевизора. Меняла их как мне угодно и часто переиначивала концовки. Но когда я решалась поделиться своим творчеством, то тщательно выбирала, какую историю и как рассказывать. Что-то я не прочитала бы одноклассникам, но могла прочесть родителям. Какие-то слова я использовала

днём, а другие вечером. И вообще, многие истории я писала только для себя и не собиралась ни с кем ими делиться.

Папа не знал, что я писала о том, как он учился в университете, или о том, как мама сбежала из деревни. Не знал, что я написала о мальчике в пионерском отряде, который умер во время городского парада. Мы часами маршировали под палящим солнцем, пели и размахивали флагами перед дворцом Вождя, а этот мальчик просто рухнул на землю как подкошенный, глухо ударившись головой об асфальт. Я никому не говорила о девочке из класса: её родителей арестовали, потому что они шептались о том, о чём она нашептала мне однажды в туалете. И о своей любимой учительнице истории я тоже никому не рассказывала: когда мы проходили Вторую мировую войну, она сказала, что наш учебник неправильный, несколько раз повторила слово «Холокост» и настаивала, что румыны были не только жертвами фашизма, но и жестокими убийцами сотен тысяч цыган и евреев. Вскоре после того урока она почему-то исчезла.

Конечно же, папа не знал об истории дяди Андрея. Он забрал у меня поэму на следующий день, когда застал меня спящей с ней в обнимку.

Откуда ему было знать, что я прекрасно всё запомнила и пересказала лучшие отрывки, выбрав на свой вкус слова попроще?

Папа перестал собирать страницы. Взгляд его был прикован к светло-голубому листу цветного картона, исписанному чёрной пастой.

– Папа, – позвала я, пытаюсь привлечь его внимание. – Я хочу сегодня послушать мою сказку о Хитрой Иляне. Если ты пообещаешь не засыпать до самого конца, то и я не засну.

Но папа не сводил глаз с листа.

– Расскажи сначала ты мне историю, – сказал он.

Голос папы звучал слишком спокойно, и время для такой просьбы было странное, но, если меня просили рассказать историю, я редко отказывала.

– Какую?

– Несколько дней назад ты за ужином говорила про одну историю. Её вам учительница рассказала перед летними каникулами.

Несколько секунд я смотрела на папу с сомнением, но потом кивнула и начала:

– Однажды кое-что случилось. А не случилось бы – и рассказывать было бы нечего. Жил был сын пекаря. Он был очень хорошим мальчиком. Делал домашние задания и убирался дома. Любил играть в футбол и баскетбол, не болел и мылся. – Я замаялась, поглядывая на распотрошённую Большую Книгу. – Я не... Можно я найду эту страницу? Я не помню, какие предметы в школе ему нравились.

– Это второстепенные детали. Продолжай.

– Но ведь это важно, чтобы раскрыть характер сына пекаря, – возразила я.

– Сомневаюсь. Он наверняка любил физику и математику.

– Ух ты. Да, там точно так и было.

– Продолжай, пожалуйста.

– Однажды этот хороший мальчик, который любил футбол, баскетбол, физику и математику, шёл домой и оказался рядом с тёмным грязным переулком и в конце этого переулочка увидел своего отца, который разговаривал с плохим человеком.

Папа прищурился. Лицо его как будто потемнело. Пока я говорила, мой голос тоже менялся.

– Сын пекаря и его семья были очень-очень бедными, папа. Беднее нас. Они были такими бедными, что жили в одной маленькой каморке за пекарней, где даже мышей не водилось зимой – вот как там было холодно. Каждое утро, пока родители ещё спали, мальчик замешивал тесто и разжигал печи. Ему очень нравилось работать. И он очень любил свою страну. Больше всего на свете он хотел, чтобы Вождь пришёл к ним в пекарню и попробовал хлеб. Ну а если нет, то

хотя бы чтоб мама родила ему братика или сестричку. У неё был всего один ребёнок, и Вождь был этим недоволен. Она его сильно разочаровала.

Тут папа перебил меня:

– А маме ты рассказала бы эту историю? – тихо спросил он.

– Я тебе её рассказываю.

– Очень сумбурно. И характеры персонажей ты раскрыла уже достаточно, на мой вкус.

Я облизнула губы, вспоминая, на чём остановилась.

– Сын... сын пекаря увидел, как его отец разговаривает в переулке с плохим человеком. Очень плохим. Тот человек был эгоист и лентяй. Не любил свою страну. Не хотел работать. И сын пекаря чуть не расплакался, потому что увидел, как его отец отдал плохому человеку какие-то бумаги и получил взамен деньги.

– И что это были за бумаги?

– В них было много плохого про Вождя. Из-за них могла пострадать страна. Но сын пекаря знал, как следует поступить. – Я заговорила быстрее. – И ночью, когда родители спали, он побежал в тайную полицию и рассказал им всю правду. Они сразу пришли к ним домой и забрали его отца-пекаря в тюрьму. И всё как будто бы наладилось. – Я скривилась. – Но мама мальчика втайне злилась. Все его родственники тоже злились, потому что они любили пекаря, и вообще, кому какое дело, что за ерунду он болтал о глупом Вожде?

У папы округлились глаза, он хотел меня прервать, но я понизила голос до шёпота, говоря всё быстрее. Когда я наклонилась вперёд, моя тень на стене выросла, словно чудовище.

– Следующей ночью семья мальчика пришла к нему в комнату. Они схватили его за руки и за ноги и разорвали на части! Затем они перемололи его в мясорубке, замесили тесто и добавили в него перемолотого мальчика, а когда на следующий день Вождь явился в пекарню, где работал маленький храбрец, который донёс на своего отца, они дали ему батон с сыном пекаря. Лидер съел всё до крошки и сказал, что лучше хлеба в жизни не пробовал. Вот так и исполнилось желание мальчика.

На какое-то время повисла тишина, а потом я заплакала.

– Дядю Андрея убили, да? И ты думаешь, что Секуритате придёт и за нами!

Папино лицо вспыхнуло.

– Нельзя рассказывать такие истории.

– Нам это в школе рассказали!

– Ты изменила её. Учитель рассказывал по-другому.

– У учителя концовка скучная. А сын пекаря был стукачом.

И тут папа схватил в охапку страницы, так что я удивлённо отшатнулась, и, тряся ими у меня перед лицом, зашипел:

– Ты не понимаешь, что про исходит? Не понимаешь, что я молюсь, ради нашего же блага, чтобы оказалось, что мой брат в самом деле умер и не выдал нас? Неужели до тебя ещё не дошло? *Твоя мама помогала ему публиковать стихи.* Она своими руками печатала копии! А даже если он жив, знаешь, что с ним сделают? Знаешь, что бывает с теми, кто сочиняет такие истории? Его там избыют до крови, прикуют за сломанные руки к стене. Будут морить голодом по нескольку дней или не давать ему мыться месяцами. Ты знаешь, сколько людей умирает в этих тюрьмах? И сколько мечтает о смерти?

Я пятилась от папы, пока не уткнулась в прикроватный столик. Свеча, стоявшая на нём, пошатнулась и едва не упала. В эту секунду папа посмотрел на ворох бумаг в своих руках и на остальные листы, лежавшие на ковре. Когда он принялся грубо запихивать страницы в Большую Книгу, сминая и утрамбовывая их, я не сразу поняла, что он и не собирался раскладывать их по порядку.

– Прости. Мне очень жаль, Иляна, – проговорил папа дрожащим голосом.

Я закричала, начала хватать его за руки.

– Папа, папа, нет! Пожалуйста, папа, не надо!

Я вцепилась пальцами в уголок обложки моей книги, когда папа стал подниматься с пола. На ковёр посыпались блёстки, захрустела бумага. Папа оттолкнул мои руки и вышел из комнаты. А потом и из квартиры. Спотыкаясь, я бросилась в зал, но мама меня опередила: она бежала за папой и что-то ему кричала. Я тоже хотела выбежать, но у меня подкосились ноги, и я рухнула на колени.

Когда мама вернулась, я плакала, свернувшись калачиком на полу и прижимая к груди обрывки бумаги. Наверняка мы перебудили всех соседей. Наверняка они записали это в свои блокноты. Но мама опустилась рядом со мной и, крепко обняв, стала гладить меня по голове.

– Я буду ненавидеть его до самой смерти! – сквозь слёзы выпалила я.

– Он просто боится. И не понимает, что натворил.

Для родителей мир пока ещё не рухнул.

Это случится завтра утром, когда папа вернётся и манжеты на его рубашке будут серые от золы, а я переверну вверх дном свою комнату и найду то, что в ней пряталось.

Для родителей мир пока ещё не рухнул, но для меня жизнь утратила всякий смысл. Потому что мои истории сделали меня той, кто я есть, а папа, которого я любила больше всего на свете, их уничтожил.

Туда, где безопасно

Я была дома одна, когда нашла в своей комнате первого жучка, приклеенного изолянтной. Его никто бы не заметил, никто, кроме безутешной девочки, которая отчаянно желала сбежать из квартиры – например, через тайный проход в шкафу – или найти себе друзей-лилипотов, которые живут там, куда обычно люди не заглядывают, – в самом дальнем и тёмном углу ящика прикроватной тумбочки.

Когда мои пальцы коснулись холодного металла, я отдернула руку, словно от укуса. Я замерла, а потом выдвинула ящик. В уголке виднелся жучок с серым панцирем, от которого отходили тонкие извилистые проводки.

Я медленно попятилась, часто и прерывисто дыша. В кухне я взобралась на стол для готовки, прижала колени к груди и начала вспоминать всё, о чём мы с папой говорили накануне. О дяде. О маме. Я мысленно представила камеру, куда меня посадят из-за рассказанной истории. Мне хотелось плакать, но я просто сидела и смотрела через открытую дверь комнаты на выдвинутый ящик.

Когда родители наконец вернулись с работы, я спрыгнула со стола, бросилась к ним и схватила маму за руку.

– Что? Ильяна, подожди! Дай хоть сумку поставлю.

Но, наверное, я выглядела напуганной. И видимо, из-за того, что родители всю жизнь жили в страхе и срослись с ним, мама, увидев, как я прижала палец к губам и вытаращила глаза, сразу замолчала и пошла за мной. Папа двинулся следом. Я показала им свою находку. Показала, всё ещё надеясь, что ошиблась.

Но мама прикрыла рот ладонью. Рука её дрожала. Папа побледнел.

Мы с родителями перевернули квартиру вверх дном. Всю мебель мы отодвинули. Подушки и думки распорол и выпотрошил. Все электронные приборы отключили, всё вынули из розеток. Мы не разговаривали во время обыска. Потому что и без слов всё знали.

Нашу квартиру заразили паразитами.

Когда всё вокруг оказалось разгромлено и папа наконец присел на перевернутый диван, утирая пот со лба, мама достала блокнот из своей сумки и начала писать. Затем дала его папе. Папа прочитал, написал что-то и вернул маме. Потом они протянули блокнот мне. Чёрная паста на бледно-жёлтой бумаге, разлинованной голубыми полосками. Впервые за всю жизнь,

после вечных тайн и недомолвок, родители позволили мне прочесть всё до последнего слова. Я читала быстро.

Вчера вечером – это мама подчеркнула.

Ниже папин почерк: Нам нельзя здесь оставаться.

Уехать – всё равно что признаться.

Признание у них и так уже есть. А рядом – моё имя, подчеркнутое сразу трижды: Ильяна.

Мама посмотрела на меня и написала: Везде опасно.

Нет, не везде.

Они даже не знают, как она выглядит.

У нас нет выбора.

Мы можем поехать с ней. Вместе. Мама так надавила на ручку, что порвала бумагу.

Безопаснее ей ехать одной.

Ниже мама начала что-то писать, вымарала, потом в нескольких строчках объяснила, куда я еду и какие вещи нужно собрать в дорогу. Когда я дочитала, у меня свело живот от страха.

Нет, написала я в ответ и подняла голову. Ручка дрожала у меня в руке. *Я хочу остаться здесь, с вами.*

Мама сжала губы и притянула меня к себе, прижавшись лбом к моему лбу. Папа отвернулся.

Мы разложили всю мою одежду на полу перед шкафом, и я выбрала, что взять с собой. Вещи мы сложили в мой школьный рюкзак вместе с зубной щёткой и расчёской. Мама вернула на место кухонный стол, подняла с пола стул и села писать – сначала маршрут, затем письмо. Мы не могли позвонить заранее, чтобы предупредить, – ни из нашей квартиры, ни с телефона-автомата. Секуритате подслушивали повсюду.

Я дремала несколько часов у мамы на руках, но перед рассветом мы, полностью одетые и готовые тронуться в путь, стояли у двери. Я надела рюкзак, стараясь казаться смелой. Но когда мама положила мне в карман белый конверт с письмом, она не сдержала слёзы, и я тоже расплакалась.

– Не отдавай его никому, кроме неё, – прошептала мама мне на ухо, прижавшись мокрой от слёз щекой к моей щеке.

Мы молчали уже несколько часов. Но мама больше не могла сдерживаться, ей хотелось хоть что-нибудь произнести. Папа выглянул за дверь проверить, не подслушивают ли соседи. Потом посмотрел на часы и снова за дверь. Я стояла по стойке смирно, как солдат, и пыталась дышать ровно. Вытерев глаза, я вышла из квартиры.

По пути на железнодорожную станцию мы прошли мимо очереди в продуктовый. Люди уже выстраивались, чтобы получить свои пайки: двести пятьдесят грамм хлеба на человека в день, один килограмм сахара в месяц, семьдесят восемь литров молока в год. Талончики на каждые три месяца были напечатаны на серой бумаге. Печать – красная. Маленькие клеточки с цифрами, которые человек в форме перечёркивал крестиком, чтобы никто не встал дважды в одну очередь, – бледно-голубые. Талоны выдавали и на муку, яйца и мясо. На них тоже были написаны наши фамилия, адрес и количество членов семьи – трое.

Когда я сяду в поезд, от нашей семьи останутся только двое. Интересно, а родители станут выкупать мой паёк, пока меня не будет? А чем я буду питаться без талончика?

Из-за крыш серых многоэтажек выглянуло восходящее солнце, но к нему уже подбирались тёмные хмурые облака. Из пяти уличных фонарей горел только один. Мама крепко держала меня за руку, и от пота наши ладони будто склеились. Позади остались дворец, бульвар Единства, моя школа, пекарня и мясная лавка. Мы повернули к университету и пошли направо. До станции идти было долго, но родители не рискнули вызвать такси. Мы прошли мимо «Ромарты» – универмага, где мама покупала нам всем одежду, вернее, где все мамы покупали одежду для своих семей. Сквозь стеклянную витрину я увидела на манекене такую

же простую футболку и шорты, какие носила сама. В своих когда-то белых кроссовках и со школьным рюкзаком за спиной я полностью сливалась с городом, поэтому исчезнуть будет нетрудно.

Когда мы почти дошли до станции, небо заволокли облака и солнце скрылось, отчего казалось, что так и не рассвело. Вокруг снова смеркло. Я прижалась к маме и потянула её за руку.

– Я буду на улице после комендантского часа, – прошептала я, когда она наклонилась ко мне.

– К тому времени ты уже уедешь из города.

Через квартал я опять дёрнула её за руку.

– Меня могут спросить, куда я еду, и, если что-нибудь не соврать, меня разоблачат.

– Тогда скажи правду, но не всю.

Ещё один квартал, и я снова тереблю маму.

– Мне не понравится в деревне. Я точно знаю. Мне захочется сбежать оттуда.

На этот раз мама лишь нахмурилась и покосилась на меня.

Наконец впереди показалась железнодорожная станция и башня с часами. На её вершухе развевался румынский флаг. Когда мы подошли ближе, стало слышно, как он хлопает на ветру, а в небе сверкнула молния. Внутри здания вокзала мы встали в очередь. Несколько человек ворчали и толкались, но папа стоял как каменный, будто никого вокруг не видел. На стенах висели одинаковые красно-жёлто-голубые плакаты с нарисованными портретами Вождя и его жены – Народного Гения и его Учёной Супруги. Один из плакатов был надорван – прямо вдоль улыбающегося лица Вождя, между глаз.

Женщина в билетной кассе вытасила карту с маршрутами и показала папе. Он что-то писал в блокноте, пока она говорила. Только когда мы вышли на платформу и папа присел рядом со мной на корточки, мне стало по-настоящему страшно. Он протянул мне листок с записанными на нём названиями станций, веток и временем отправления и прибытия. Затем показал мне билеты.

– Тебе нужно дважды пересесть. – Его слова почти заглушил гудок поезда и пронзительный голос из громкоговорителя, объявлявший посадку. – Попроси о помощи, если заблудишься, но старайся не привлекать к себе внимание.

Тут раздался протяжный гудок, и я обернулась: к станции подходил поезд. Мама тоже присела на корточки.

– Если сможешь, садись рядом с какой-нибудь женщиной, особенно если она едет с детьми.

Она подтянула лямки моего рюкзака. Поезд приближался, замедляя ход. В лицо мне ударил тёплый воздух и запах мокрого асфальта. Мама быстро меня обняла, поцеловала в обе щеки, а потом отошла в сторону и отвернулась. Я почувствовала, как она затаила дыхание.

Когда поезд остановился и двери открылись, люди начали садиться в вагоны. У меня быстро заколотилось сердце.

Я крепко сжала в руке листок с маршрутом, билеты и письмо. Папа коснулся ладонью моей щеки, и тут я осознала, что моя жизнь больше не будет прежней.

– Я не хочу уезжать, – испуганно глядя на папу, сказала я. И стиснула его руку, изо всех сил сдерживая слёзы. Мне стало страшно до тошноты.

– Мне очень жаль, Иляна. – За стёклами очков папины глаза наполнились слезами. – Когда ты вернёшься, я буду водить тебя в кино, буду тебе читать. И я дорасскажу твою сказку, обещаю. Клянусь, что не буду засыпать до самого конца.

Он попытался улыбнуться и на мгновение снова показался мне прежним – моим любимым папой, который научил меня прописывать характеры персонажей, придумывать место действия и раскрывать сюжетные линии, который устраивал для меня тайные приключения и

ходил со мной на бульвар, чтобы писать там при свете огней на башенных кранах. На мгновение папа снова стал очень похож на человека, которого я любила, и я едва не сдалась – едва не обхватила его руками за шею, едва не поцеловала в заросшую щетиной щеку и едва не попросила прощения за то, что впустила в квартиру электрика и что рассказывала истории, из-за которых нашей семье теперь грозит опасность.

Но тут я вспомнила о Большой Книге.

Все написанные мной истории – вся моя жизнь, посвящённая поиску, переписыванию сцен, наброскам и сюжетным намёткам, проработке диалогов, – всё пропало навсегда.

Даже конец нашей с ним сказки некуда записать. И следующую историю тоже.

– Я тебя не прощаю, – сказала я, отшатываясь от папы. – Надеюсь, я никогда не вернусь домой!

С этими словами я вбежала в двери вагона и даже не оглянулась.

Хитрая Ильяна и три принца

Однажды кое-что случилось. А не случилось бы – и рассказывать было бы нечего.

Жил-был Император, и было у него три дочери. Они жили в Восточных землях. Принцессы, разумеется, были невероятно красивы, потому что в сказках не бывает так, чтобы дочери могущественного человека были обыкновенными простушками с крючковатыми носами, с бородавками или со взъерошенными волосами. Старшая дочь Императора была точно краше нас с вами, но средняя дочь оказалась ещё краше старшей, а младшая дочь Ильяна – краше обеих сестёр. Вообще, Ильяна была такой красавицей, что даже солнце порой останавливалось на небосклоне и печально вздыхало, любясь её красотой, хотя все знают, что так не бывает.

Однажды Император узнал о том, что Великому Монарху, который жил в огромном золотом замке в Западных землях, нанесли оскорбление – кто-то осмелился высмеять его зубы. Не в силах снести такое кошмарное унижение, Монарх созвал правителей соседних королевств и велел им объехать с ним целый свет, чтобы посеять страх среди подданных и казнить тех, кто мог пустить такой слух.

По правде говоря, слух пустил Император. И вообще, отец принцесс высказывал о Монархе вещи куда похуже оскорблений в адрес его зубов. Император ненавидел Монарха. Правители соседних королевств тоже его ненавидели. Многие десятки лет он использовал власть в ужасных целях и вообще был очень злым.

Но даже хуже Монарха были три его гнусных сына. Как вы, должно быть, догадались, старший сын был невероятно жесток, куда безжалостней нас с вами, но средний сын оказался ещё беспощаднее, а младший был самым жестоким из них.

Однако, пусть Император и ненавидел Монарха и его сыновей, открыто бросить им вызов он боялся. Поэтому, когда всех правителей созвали на битву, Император собрал своих солдат и призвал к себе дочерей.

- Не хочу вас огорчать, девочки, но у меня дурные вести, – сказал он.
- Затонул корабль с моими новыми платьями? – вскричала старшая принцесса.
- Ты решил отдать меня в жёны какому-нибудь уроду? – заплакала средняя.

– Ты уезжаешь сражаться за ужасного Монарха? – Хитрая Ильяна сразу обо всём догадалась. Глаза её округлились, а сердце сжалось, потому что, несмотря на все недостатки отца, она любила его больше всего на свете. – И хочешь отослать нас прочь!

Император коснулся ладонью щеки младшей дочери.

– Догадливая ты у меня, Ильяна, но кабы твой ум не погубил нас, – мягко сказал он. – Да, доченьки мои, это правда. Вы должны уехать в горы, в наш замок, пока я буду на войне. Только тогда вы окажетесь в безопасности.

– В тот замок? – воскликнула старшая принцесса. – Но он же такой невзрачный! Там даже люстры не из бриллиантов!

– В тот замок? – вскричала средняя принцесса. – Но он же так далеко от столицы! Там не будет симпатичных конюхов, с которыми можно пофлиртовать!

– Я хочу остаться с тобой, отец, – взмолилась Ильяна. – Я хочу защитить тебя. Прошу, не отсылай меня.

– Довольно жалоб! – отрезал Император. – А теперь вот что, девочки. Пока меня не будет, вы должны хранить верность нашей семье. Если вы предадите моё доверие, я об этом узнаю.

Ильяна не сводила взгляда с отца.

– Если ты уедешь и предпочтёшь Монарха мне, я тебя никогда не прошу и буду ненавидеть до самой смерти, – сказала она.

Но Император либо не услышал, либо не придавал словам дочери значения: сказав на прощание несколько отеческих фраз, несомненно трогательных, но банальных, он развернулся и ушёл смотреть, как его солдаты доблестно гибнут непонятно зачем.

И надо же было такому случиться: сразу после того, как Монарх отправился на войну, три гнусных принца узнали, что слух пустил Император! Желая угодить своему злобному папаше, принцы, вместо того чтобы сразу открыть всем правду, решили сначала влюбить в себя дочерей Императора: как только сёстры поддадутся их любовным чарам, принцы выведают остальные секреты Императора, а он, узнав о предательстве принцесс, умрёт с горя.

Старший принц вскочил на коня и поскакал прямо к горному замку. Три дня и три ночи стоял он в саду под стенами замка, но ни одна из принцесс так и не выглянула из окна. На четвёртый день, в сизых предрассветных сумерках, продрогший до костей, умирающий с голоду и обозлённый принц подошёл к окну старшей принцессы и принялся стучать в окно. Он стучал, пока она не распахнула ставни.

– Это я, милая принцесса, – обратился к ней принц, но девица не дала ему договорить.

– Знаю я, кто ты такой, и знаю, что ты проторчал здесь три дня и три ночи бог весть зачем. Мне неважно, чего ты хочешь. Уходи. Пусть терновник прорастёт из земли впереди и позади тебя.

– Ради любви... – начал было принц, но принцесса захлопнула ставни прямо у него перед носом.

Красота старшей дочери Императора сразила принца наповал, и к тому же ему никогда не давали от ворот поворот, поэтому он решил выждать ещё три дня и три ночи и на рассвете четвертого дня снова пришёл к окну принцессы. Только на этот раз постучался потише.

Через пару минут старшая сестра отворила ставни.

– Это я, о прекрасная девица, – воззвал к ней принц. – Ради любви твоей я готов смиренно ждать.

– Уходи, – отвечала принцесса, но голос её слегка дрогнул. – Пусть терновник прорастёт из земли перед тобой, а позади пусть распускаются цветы.

Принцесса снова закрыла ставни, но прежде пристально посмотрела на мускулистый торс принца и в его бездонные голубые глаза. Юноша улыбнулся – уверенности в себе ему было не занимать – и решил подождать ещё три дня и три ночи и вернуться на рассвете десятого

дня. Он пригладил волосы, поиграл бицепсами для верности и подошёл к окну. Ему даже не пришлось стучать – ставни сами распахнулись.

– Это я, прекрасная девица. Трижды три дня и трижды три ночи простоял я под твоим окном в надежде взглянуть тебе в глаза. Я представлял себе, как сижу у твоего ложа, пока ты спишь, и у твоего туалетного столика, пока ты одеваешься утром.

– И это мне вовсе не противно, – заметила принцесса. И то была чистая правда, ибо девица и впрямь влюбилась в принца без памяти.

– Избавь меня от этой пытки – пусти к себе в опочивальню.

– О боже, нет! Моя дражайшая средняя сестра не простит мне, что я влюбилась в сына заклятого врага нашего отца. – Принцесса на мгновение растерялась, но затем добавила: – Если только, конечно, не влюбится тоже.

Принц улыбнулся.

– Я пошлю сюда своего среднего брата. Но сперва – один-единственный поцелуй, чтобы скрасить мне обратный путь.

И не успела принцесса ответить, как он наклонился к ней и поцеловал.

– Уходи! – вскрикнула принцесса, утирая губы шёлковым рукавом. Но когда принц вскочил на коня и помчался прочь, озарённый лучами восходящего солнца, она прошептала ему вслед: – Пусть цветы устилают тебе дорогу впереди и позади!

Воротившись домой, старший принц тотчас же велел среднему брату скакать к горному замку. Тот был так сражён красотой средней принцессы, что, когда она ему отказала в первый, а потом и во второй раз, ему не составило труда потерпеть и дожидаться её благосклонности. Как и его старший брат, на рассвете десятого дня принц завоевал сердце принцессы. Когда он подошёл к окну, та уже дожидалась его.

– Это я, о прекрасная девица. Трижды три дня и трижды три ночи простоял я под твоим окном в надежде взглянуть тебе в глаза. Я представлял себе, как сижу у твоего ложа, пока ты спишь, и у твоего туалетного столика, пока ты одеваешься утром.

– Как романтично, – вздохнула принцесса, ибо она тоже была круглой дурочкой.

– Избавь меня от этой пытки – пусти к себе в опочивальню.

– Я бы рада, но моя дражайшая младшая сестра никогда не поймёт, как сильна наша с тобой страсть. О, какой торс, и какие кубики на животе... и какие блестящие чёрные волосы... Да, но моя младшая сестра!..

Принц смущённо зарделся и ослабил воротник камзола.

– Любовь моя, я могу отправить к твоей младшей сестре моего младшего брата. Но, быть может, ты сперва поцелуешь меня, чтобы обратный путь казался короче?

К превеликому удивлению принца, девица чуть не вывалилась из окна и стиснула его в объятиях. Когда же он ускакал, она проговорила:

– Пусть цветы устилают тебе дорогу впереди и позади!

Узнав о том, как старшие братья добивались расположения принцесс, младший сын Монарха вовсе не горел желанием провести десять дней в полном одиночестве в сыром и холодном саду. И почему, думал он, если девиц так легко застать одних в опочивальнях, нельзя просто вломиться к ним ночью и убить их во сне? Тогда Император точно умрёт от горя. Но когда младший принц добрался до горного замка, его ждал приятный сюрприз.

Хитрая Ильяна уже стояла у окна. Увидев его, она улыбнулась.

– Ты ведь принц, да? У тебя лицо королевское, с идеальными чертами. Куда так спешишь, что совсем загнал коня?

Младший сын Монарха не мог отвести глаз от красавицы Иляны. Выпятив грудь, он дерзко ответил:

– К тебе спешу, о прекрасная девица.

– Быть того не может!

Принц принялся заверять её в своей любви со всей страстью:

– Но это правда! Я представлял себе, как сижу у твоего ложа, и так далее, и тому подобное.

(Вы точно уже запомнили, что там дальше, незачем повторять.)

Хитрая Иляна ухмыльнулась.

– Если твоя душа так же прекрасна, как и лицо, то я с радостью приглашу тебя в свою опочивальню. Здесь я налью тебе вина и поцелую.

Принц вытаращил глаза от удивления. Он, честно говоря, ещё ни разу ни с кем не целовался.

– Юная девица, знаешь ли ты, кто я такой? – спросил принц.

– Знаю, – ответила Иляна.

– А что насчёт твоих старших сестёр? Ты не боишься их осуждения?

Иляна улыбнулась ещё шире.

– Мои сёстры влюбились в твоих братьев, так что мне незачем спрашивать у них совета.

Принц не мог поверить своему везению.

– Клянусь тебе, душа моя прекрасна, как лицо. Пригласи меня в свою опочивальню – и ты не пожалеешь об этом.

– Я знаю, что не пожалею, – нежно проговорила принцесса и добавила тихо-тихо: – Но вот ты – пожалеешь.

Иляна отошла от окна, пропуская принца в комнату. Оказавшись внутри, он сразу направился к столу, уставленному блюдами с фруктами, мясом и кувшинами с вином. Однако, как только принц подошёл к столу, пол под ним провалился, и он упал в хранилище Императора, где лежали ценные свитки и книги.

– На помощь! На помощь! – закричала Иляна стражникам за дверью. – Вор пытается украсть секретные бумаги отца!

Стражники ворвались в хранилище и под ворохом бумаг увидели юношу, залитого вином и забросанного кусками нарезанной говядины. Заковав его в кандалы, они привели принца в тронный зал, чтобы немедленно вынести ему приговор. Иляна уже поджидала его, скрестив руки на груди.

– Отец предал меня, но я его не предаю. В наказание за твой проступок двенадцать отвратительных преступниц отнесут тебя к подножию гор. А когда они оставят тебя у границ нашего королевства, каждая из них тебя поцелует. – Иляна изящно ему поклонилась. – Пусть цветы устилают тебе дорогу впереди и позади!

Приказ был исполнен. И когда младший принц, опозоренный и обозлённый, вернулся домой, три монарших сына придумали страшный план. Старший и средний принцы отправили письма старшей и средней принцессам, где заявили, что не будут любить их, покуда Иляна не заплатит за нанесённое им оскорбление. Две старшие принцессы должны были вызнать все отцовские тайны и помочь братьям отомстить.

Поскольку принцессы влюбились в принцев без памяти и к тому же были нерадивыми дочерьми и сёстрами, они согласились.

Деревня из маминых рассказов

Поезд тронулся, а я не успела сесть – я чуть не упала и чуть не выронила письмо. В купе, указанном в моём билете, было восемь мест – по четыре напротив друг друга. Я пришла последней, поэтому мне пришлось протиснуться на свободное место посередине. Когда я наконец устроилась и осталась наедине со своими мыслями, тяжёлое осознание всего случившегося накрыло меня, словно волна.

Папа меня предал. Маме грозит беда. Дядя, скорее всего, умер. Я еду одна на другой конец страны, в деревню, которую видела только на фотографиях. У меня с собой всего лишь письмо от мамы, а мне надо убедить людей, которые вообще меня не знают, взять меня к себе, кормить на свои талоны и держать всё в секрете.

Сердце у меня упало. В нём как будто образовалась дыра посерединке. Полое сердце и полые кости – идеальное сочетание.

За окном поезда тянулись ряды бесконечных многоэтажек. Тусклый утренний свет отражался от тысяч застеклённых балконов. Первые капли дождя стекали по оконному стеклу, и казалось, что дома тают. Дальше замелькали заводы: за сетчатыми заборами с проржавевшими табличками «Посторонним вход воспрещён» виднелись трубы, выдыхавшие дым. Картинка стала серо-коричнево-чёрной, размытой. Чем дальше мы ехали, тем больше попадалось старых и приземистых зданий. Между блочными многоэтажками проглядывали фасады краснокирпичных домов, украшенные голубыми, жёлтыми и зелёными ставнями, – эти дома построили задолго до того, как всем нам велели выглядеть одинаково. Из-под поблёкшей от времени краски всё ещё проступали старые цвета. В этой части города когда-то жили папины родители. Больше знакомых мест я по пути не встречаю.

Поезд выехал за пределы города. Дождь косо хлестал в окно. Дома начали расплываться, потом совсем исчезли; вокруг простирались покатые холмы и просторные поля. Я свернулась с маршрутом, который нарисовала мама, и сжала в руке конверт с письмом.

На первой остановке, где мне надо было пересесть на следующий поезд, дождь стал усиливаться. На станции было всего две платформы под алюминиевыми навесами, так что я быстро разобралась, куда идти. Вот только из-за порывистого ветра капли дождя летели со всех сторон, и я насквозь промокла. В углублениях пластиковых сидений скамейки, перед которой я встала, плескалась вода. Я повернулась спиной к путям и ещё раз сверилась с маршрутом. Затем пересчитала билетики – все на месте. Потом просмотрела папины записи со временем отправления поездов и всеми направлениями. У меня ёкнуло в животе, когда я увидела папин почерк, поэтому я рассовала листочки по карманам.

Во втором поезде в моём купе ехала только одна пожилая женщина. Она сидела у окна, а я села около двери. Вежливо улыбнувшись, она дала мне носовой платок вытереть лицо. Женщина спросила, куда я еду, и я ответила, но без подробностей. Ещё она спросила, где мои родители, и я ответила, что они остались дома, но не сказала почему. После этого женщина перестала задавать вопросы, и я уставилась в окно: поезд отъезжал от станции, и платформа уплывала назад, пока не пропала из виду. Вдали над деревьями громыхал гром. Лес и горы постепенно приближались.

Ближе к обеду я расстегнула рюкзак и достала еду, которую мне положила с собой мама. Два кусочка хлеба – один с яблочным повидлом, второй с маслом. А ещё – завёрнутый в салфетку кусок весового тёмного шоколада. Я разинула рот. И где только мама достала шоколад? И как давно его хранила? Закрыв рюкзак, я с подозрением глянула на женщину – не увидела ли она шоколад? Я съела только один бутерброд с яблочным повидлом – чтобы она ничего не заподозрила.

Прошло полдня. На следующей станции мне пришлось ждать около часа, но хотя бы дождь почти закончился. Я стояла, прижав к груди письмо, и старалась не встречаться ни с кем взглядом. Вообще дети обычно не ездят на поездах без взрослых. Скоро у кого-то из пассажиров возникнут подозрения. Мне начнут задавать вопросы, а я не соображу, как уйти от ответа.

Третий поезд пришёл почти пустой, и я ехала в купе совсем одна. Иногда я заглядывала в рюкзак проверить, правда ли там лежит шоколад. Когда поезд прибыл на мою станцию – конечную на этой ветке, – было уже почти семь вечера.

Я взяла вещи и сошла с поезда. К моему удивлению, вместо платформы я стояла на обломке бетонной плиты – ни навеса, ни скамеек, ни билетной кассы. И помощи попросить не у кого. Я словно оказалась на самом краю света, посреди бесконечного зелёного поля, залитого золотыми потоками солнца. Я никогда не видела таких просторов. Я и гор-то толком не видела – особенно таких, какие громоздились слева, загораживая собой горизонт. Мне снова стало тревожно, как на первой пересадке, но я достала листок с маршрутом и взяла себя в руки.

Вместе со мной на платформу сошли несколько пассажиров. Одни выглядели как работники завода, другие как городские, приехавшие сюда провести отпуск в горах. У одного мужчины на шее висел фотоаппарат, и он снимал окрестности. Все пошли к небольшой бетонной площадке, куда подъезжали машины. Мама начертила мне схему и обозначила на ней, где, как ей казалось, должна быть автобусная остановка, но рисовала она не очень хорошо. На самом деле мама и не знала, где остановка: когда она бывала здесь в последний раз, автобусы вообще не ходили. Тут я заметила женщину с тремя детьми – они стояли около указателя на парковке.

– Привет, – поздоровалась женщина, когда я подошла. – Ты тут одна?

Её дети, все младше меня, вытаращились, шмыгая сопливыми носами.

– Да, я всегда путешествую одна, – сказала я. – Еду к бабушке с дедушкой.

– О, мы тоже. – Женщина улыбнулась. – Как тебе летние каникулы?

– Здорово. Я даже уже сделала все задания.

– Молодец. – Она подмигнула мне и посмотрела на детей, как бы говоря: «Вот как надо, слышали?» Когда они сели в автобус, я пристроилась рядом; водитель даже не обратил внимания.

Довольно долго автобус ехал по просёлочной дороге. По обе стороны колыхалась на ветру высокая трава. Время от времени автобус останавливался возле какой-нибудь старой, заброшенной на вид фермы и высаживал пассажиров. Женщина спросила, из какой деревни мои бабушка с дедушкой, и я ответила, но потом пожаловалась, что ужасно устала, и она больше не лезла ко мне с вопросами.

Солнце, казалось, нависло над самой землёй и грело мне щёки сквозь окно. Затем автобус свернул к горам и въехал в лес. Высокие деревья будто стояли на страже и скребли костлявыми ветвями крышу автобуса. Я прижалась лицом к стеклу и запрокинула голову, пытаюсь увидеть их верхушки. В подлеске под деревьями плотным слоем рос папоротник. Я никогда в жизни не видела столько зелени. Сначала колёса автобуса шуршали по асфальту, затем захрустел гравий. Мы ехали в гору. Всё выше, выше, выше, по извилистой дороге, по кочкам и ухабам.

Между стволами деревьев мелькали красные лучи заходящего солнца, постепенно угасая. Женщина с детьми сошла с автобуса, но перед этим прошептала что-то водителю, и тот обернулся и посмотрел на меня. Я съела оставшийся бутерброд с маслом, потом подложила рюкзак под голову и мысленно пообещала себе, что не засну. Но старые потрёпанные сиденья были такие мягкие, что вскоре веки у меня потяжелели. Последний солнечный свет растаял среди деревьев. На узкую горную дорогу опустились тени. За окном замелькали чёрные неведомые силуэты.

Меня разбудил громкий гудок автобуса.

– Ну же, пора просыпаться, милая. Я тоже домой хочу.

Я выпрямилась, моргая спросонья, и слезла с сиденья. Прежде чем пойти к выходу, я смахнула хлебные крошки с вытертой обивки кресла. Автобус остановился посреди дороги, его задние огни заливали гравий красным светом. В салоне больше никого не осталось.

– Хорошо ещё, что та женщина сказала мне, куда тебе надо, а то бы я мимо проехал. Следить надо за дорогой.

Вспыхнув от смущения, я сбивчиво извинилась, отсчитала нужную сумму за проезд, отдала водителю и, спотыкаясь, спустилась по ступенькам. Снаружи меня обдало холодом. Я никогда не поднималась так высоко в горы и не уезжала так далеко на север. Одинокий фонарь на остановке отбрасывал на землю круг оранжевого света и помигивал. Внутри стеклянного колпака чернели мёртвые мотыльки. Снаружи беспорядочно летали живые, то и дело тыкаясь в стекло. Я растёрла ладонями голые руки, чтобы согреться. А если водитель решит ждать, пока за мной кто-нибудь не придёт? Но нет, он лишь окинул меня взглядом, закрыл дверь и уехал.

Я осталась одна в темноте. В небе кричали ночные птицы. Ветви деревьев потрескивали, и по лесу разносилось эхо, будто от выстрелов. Широко раскрыв глаза, я вслушивалась, но не понимала, откуда доносятся звуки. Мир сжался до мерцающего оранжевого круга света от фонаря, а за его пределами была пустота.

В последний раз я сверилась с маршрутом. Мама предупреждала, что здесь будет сложнее всего, и я пообещала не бояться.

Я вышла из светового круга и подошла к узкой тропинке, ведущей в лес. Глубоко вздохнув, зашагала вперёд. Через пару минут глаза привыкли к темноте, но ямки в земле и торчащие корни всё равно были плохо видны. Я шла очень осторожно и смотрела себе под ноги, но вдруг у меня по спине пробежала дрожь, и я подняла голову.

Среди деревьев светились жёлтые глаза. Я застыла и вцепилась в лямки рюкзака. Неведомое существо наблюдало за мной. Чудовище, волосатое, клыкастое и голодное. В любую секунду оно соскочит с ветки и проглотит меня целиком.

Усилием воли я заставила себя опустить голову и идти дальше, только быстрее. Я подумывала достать из рюкзака кусочек шоколада и съесть его – чтобы не пропал зря, если я погибну.

И тут деревья вдруг поредели, и я вышла к просторной, залитой лунным светом долине у подножия горной гряды. На темнеющем небе поблёскивали звёзды. В окнах тускло мерцали огоньки свечей.

Это была деревня из маминих рассказов – здесь мама родилась и отсюда сбежала, когда была совсем юной, на несколько лет старше меня.

Дорога вела мимо заброшенной и полуразрушенной церкви, мимо домов, стоящих на отшибе, и заканчивалась около каменного колодца в центре деревни. Тут я наконец остановилась и огляделась. Когда мама отсюда уехала, она захватила с собой целую пачку фотографий, и с них я всю жизнь срисовывала виды деревни. Здесь мало что изменилось, так что я сразу нашла тропинку между домами, ведущую в поля. Утопая по пояс в траве, я пошла по тропинке, и она привела меня к крутому поросшему лесом холму с неровными каменными ступенями. Лестница взбиралась к скрытой между деревьями дорожке. У меня бешено колотилось сердце, но я перешагивала через две ступеньки и смотрела вперёд.

Уже близко. Я знала, что близко.

Когда лестница закончилась, я побежала, чтобы поскорей вырваться из теней, и очутилась на заросшей травой лужайке. Здесь, купаясь в лунном свете, стоял старый деревенский дом на высоком каменном фундаменте. Внизу, за деревянными решётчатыми дверями, чернел подвал. Вымощенная плитняком тропинка вела к крыльцу – к каменной лесенке в несколько ступенек.

И вот я стою перед деревянной дверью.

Вот стучусь.

Когда она открыла дверь, письмо было у меня наготове в вытянутой руке. Меня колотила дрожь.

– Кто там? – Из глубины дома послышался мужской голос, звучавший грубовато, по-деревенски.

Она не ответила. Просто смотрела на меня, а я на неё. Я думала, что не узнаю её, но узнала. Мне были знакомы её тонкие белые волосы, выбивающиеся из-под пёстрого платка, завязанного под подбородком. Мне был знаком её повязанный на животе голубой фартук с узором из ромбов и жёлтая хлопчатобумажная юбка. Мне были знакомы её руки, в которых она держала письмо. Мне были знакомы её карие глаза – сначала они бегали по строчкам письма, а потом посмотрели на меня.

Но она меня не знала.

Сзади, прихрамывая, подошёл пожилой мужчина, выглянул из-за её спины.

– Девочка из деревни? – спросил он.

Она дала ему письмо, не говоря ни слова.

Я поняла, что нужно сделать, – этого не было написано в заметках родителей, и ни мама, ни папа даже не подумали о таком. Я открыла рюкзак и, запустив в него руку, достала со дна вышитую подушечку – тёмно-зелёную, с чёрной окантовкой и большой круглощёкой птицей посередине. На мгновение я прижала подушку к груди, а затем протянула ей.

– Эта подушечка обычно лежит у меня на кровати рядом с той красной, которую ты помогла маме вышить, – на ней маленькая птичка летит. – Я старалась говорить твёрдо. Если она меня прогонит, что мне делать? Обратного маршрута у меня нет.

Она закрыла рот рукой и, рухнув на колени, протянула меня к себе и принялась целовать в обе щеки.

– Иляна! – Она заплакала. – Это Иляна!

Потом бабушка повела меня в дом.

Между строк

Поцелуи, объятия, вопросы – и вот я уже сижу на скамье за длинным деревянным столом, а бабушка готовит мне поесть.

– Я как знала, что кто-то придёт, – сказала она. – За обедом я случайно поставила на стол три тарелки, а потом в дом залетела пчела!

Дедушка читал письмо, а его кустистые брови ползли вверх. Он то и дело смотрел на меня, будто снова и снова удивлялся, что я здесь. Бабушка достала остатки ужина из кладовой и раздула угли в глиняной печи. Я пыталась объяснить, что не голодна, что в автобусе съела целый бутерброд, но бабушка всё равно ставила на стол тарелку за тарелкой. И только когда я стала клевать носом, она унялась.

Утром меня разбудил свет, льющийся в незакрытые окна, и необычные, чужие запахи – скошенной травы, свежего воздуха и скворчащих колбасок. Пару мгновений спросонья я не понимала, где я, а когда вспомнила своё путешествие в горы, мне показалось, что это сон.

– Это настоящие яйца, – сказала бабушка. – А это – настоящее молоко. Ты пробовала свинину? Мама готовит тебе мамалыгу с сыром?

Я снова сидела за столом. Бабушка снова ставила передо мной тарелку за тарелкой. Ломтики ветчины. Свежие помидоры, огурцы и сладкий перец. Я никогда не видела столько еды. Откусив кусочек яйца, я чуть не поперхнулась – такой у него был насыщенный вкус. Отпила молока – и меня замутило с непривычки. Я даже не притронулась к бабушкиной мамалыге – кукурузной каше с горкой овечьего сыра сверху.

– Я не голодна, – проговорила я, а бабушка посмотрела на меня так, будто я при смерти.

– Оставь её в покое, – сказал дедушка.

Я умылась водой из расписного глиняного тазика и переоделась в чистую одежду. Потом дедушка взял меня за руку, и мы втроём пошли в деревню.

Деревня была сельскохозяйственной общиной с тех самых пор, когда сюда пришли первые поселенцы сотни или тысячи лет назад – историю рассказывают разные люди, и каждый раз даты меняются. Большинство домов стояли вдоль грунтовой дороги, которая пересекала центр деревни. Других дорог, чтобы приехать сюда или уехать, не было. Впрочем, в то время грузовик имелся только у старого мясника. На этом грузовике он свозил в долину скот с горных пастбищ.

Почти всю долину занимали поля, на которых деревенские сеяли хлеб и пасли скот. А в домах по обе стороны дороги люди не только жили. В одном доме в отдельном помещении торговали разными товарами, и владелец лавки был одновременно и парикмахером. Местная

таверна служила одновременно гостиницей, хоть там и сдавались постояльцам всего две комнаты, которые очень редко кто-нибудь снимал.

Горы здесь густо поросли лесом – сосны, ясени и ели взобрались так высоко, что некоторые даже касались верхушками облаков. Я стояла по пояс в траве у подножия холма и, запрокинув голову и щурясь от яркого света, пыталась охватить взглядом эти просторы. В центре деревни, у колодца, я разглядывала необычные дома, обходя стороной разгуливающих по дороге животных. Почти все дома были одноэтажные, но позже я узнала, что в некоторых есть подвалы, чтобы держать продукты в холоде, и чердаки, чтобы коптить мясо. Крыши были высланы красной черепицей или покрыты соломой с ярко-зелёными пятнами проросшего на ней мха. Стены – выкрашены в необычные цвета: розовый, голубой и салатный, белый в охряную полосу. Одни дома, высокие и худые, лепились друг к дружке. Другие, низкие и толстые, стояли вольготно и смотрели на улицу множеством маленьких окошек. У некоторых осыпался фундамент, сквозь облупившуюся штукатурку проглядывали куски деревянной обрешётки. Но большинство домов были в хорошем состоянии; обнесённые заборчиками маленькие палисадники и цветочная роспись на стенах около дверей радовали глаз. И везде, на всех до единого домах я заметила резные фигурки волков.

Когда бабушка и дедушка вели меня по деревне, из домов выходили люди. Они выглядывали из окон. Другие отрывались от работы в поле и смотрели на нас издали. Мы остановились возле выкрашенного в персиковый цвет покосившегося домика с коричневыми ставнями и примыкающим к нему густо разросшимся садом.

Перед домом росло большое дерево, и на его нижних ветвях, рядом с открытым окном в кухню, подвешенные за ручки мытые чашки сохли на солнце и позвякивали, стучаясь друг о друга.

Бабушка подошла к порогу, приоткрыла дверь и, прежде чем войти, крикнула, что это она пришла. Я чувствовала на себе взгляды соседей: кто-то посматривал на меня, развешивая на верёвках белье, кто-то выглядывал с крыльца. Дедушка остался на улице – его остановил какой-то мужчина на телеге, запряжённой лошастью. Я слышала, как дедушка сказал, что я его внучка и приехала на летние каникулы, – это была правда, но не совсем.

Мы с бабушкой вошли в персиковый дом. Он был вдвое больше нашего. И что самое поразительное – здесь было электричество. А в зале я увидела диван и телевизор.

– Кто-то пришёл? – послышался из глубины дома голос, и с чёрного хода вошла миниатюрная женщина с грязными по локоть руками. Волосы у неё были заплетены в длинную косу, а голова обмотана фиолетовой косынкой. Увидев бабушку, она поспешила к нам по коридору, вытирая руки о фартук.

– О, Дойна! Как дела? Козы не хворают? – Тут она заметила меня. – А это кто?

– Моя внучка Иляна. Она только приехала из города. Можно позвонить от тебя её маме?

– Внучка! С каких пор она у тебя появилась? – Женщина взяла мои руки в свои, и я заметила, какие они крепкие и жилистые. Она была очень маленькой: чтобы поцеловать меня в щёки, она только слегка нагнулась, но пальцы у неё были сильные и мозолистые. – Добро пожаловать в деревню, дорогая! Вы только поглядите на эту одежду! И волосы! Пожалуйста, зови меня Санда и заглядывай в гости, когда устроишься. У меня дочка как раз твоего возраста. – Она повернулась к задней двери и крикнула: – Габриэлла! Габри! Тут с тобой кое-кто познакомиться хочет!

Краем глаза я увидела, как с улицы в окно зала сунулась лохматая темноволосая голова и тут же исчезла. Я вспыхнула, но ничего не сказала.

– Куда это она делась? – задумчиво проговорила Санда.

– Санда ветеринар, – сказала бабушка, и я молча вытаращила глаза.

– Ветеринар? – Мне внезапно вспомнилась одна история. – А как же Свинорылый Пётре? Бабушка разинула рот, а Санда расхохоталась.

– Свинорылый Петре! Сто лет не слышала это прозвище! Да, она точно Лизина дочка! – Ветеринарша похлопала меня по руке и утёрла глаза. – Петре был моим мужем. Но он умер несколько лет назад. Вот с тех пор я и работаю ветеринаром.

Санда провела нас в кухню, где стоял холодильник, а на стене висел зелёный телефон. Мне было неловко из-за того, что я назвала её покойного мужа свинорылым, поэтому я улыбнулась в ответ, когда она улыбнулась мне.

– Приходи в любое время, Ильяна. Габи не помешает новый друг.

Бабушка сняла трубку и стала набирать номер, а Санда вернулась во двор. Когда ветеринарша ушла, лицо у бабушки посерьёзнело. Сначала я подумала, она сердится на то, что я сказала, но потом она выглянула в коридор проверить, стоит ли бабушка у входной двери.

Тут взгляд у бабушки оживился – видимо, наконец соединили.

– Лиза? Лиза, здравствуй.

У меня ёкнуло сердце, но мамин голос я почти не слышала – только тихий отголосок из трубки.

– Да, у меня всё хорошо, дорогая. Как ты? О да, погода чудесная. Папа скоро пойдёт на поле, утром было много дел.

Я ничего не поняла. Просто стояла и смотрела на бабушку во все глаза.

– Вообще я позвонила, чтобы рассказать о Старой Константе. Нездоровится ей. Врач приезжал в деревню, прописал ей постельный режим. Вряд ли она уже поправится. Помнишь, как ты ушла с ней гулять по лесу? – Пауза. – Как это «нет»? Никак забыла? Ты нас с папой до смерти перепугала! Мы проснулись, а тебя нет – ушла за ней в лес в одной ночной сорочке! Но уж как тебе влетело, когда вернулась, ты наверняка помнишь? Целых две недели навоз из хлева выгребала! – Пауза, затем смех. – Да, верно. Видишь, всё ты помнишь.

Бабушка опустила на меня взгляд и ухмыльнулась. Я открыла было рот, но она прижала палец к губам.

– Слушай, славно поболтали. Я очень по тебе соскучилась. Правда, Лиза, очень сильно. Но дел у меня невпроворот, так что я пойду. Просто хотела рассказать тебе о Константе. Звони Санде в любое время. В любое. Она не против. Только номер теперь другой – новую линию провели. Бумага под рукой? Хорошо.

И не успела я сообразить, что к чему, как бабушка уже повесила трубку. И даже не дала мне поговорить с мамой. И даже моё имя не произнесла. Глаза у меня наполнились слезами, но бабушка взяла меня за руку, и мы вышли на улицу к бабушке. Соседи на улице хотели познакомиться с их внучкой, которая приехала из города, так что плакать и отвечать на вопросы было некогда.

Позже, после обеда, я нашла на столе конверт и, достав из него письмо, прочитала:

Мама, нам грозит беда, в городе для Ильяны небезопасно. Я не знаю, когда всё закончится.

Прости, что ты знакомишься с ней при таких обстоятельствах. Прости, что не давала вам видиться. Прости за всё, что я наговорила, когда уезжала, и за всё, чего не сказала, хотя следовало. Может быть, когда всё кончится и мы с мужем приедем за ней, мы сядем вместе и поговорим.

Но пока, мама, береги мою девочку. Пожалуйста, не дай им найти её.

Когда прочтёшь это письмо, сразу же позвони мне, но не упоминай её в разговоре. Нашу линию прослушивают – всю квартиру. Они слышат каждое слово. Поэтому расскажи мне о чём-нибудь, что знаете только вы с папой. Так я буду знать, что она в безопасности.

Лиза

Я ещё раз перечитала письмо, потом в третий раз для верности. Мысленно я прокручивала в голове весь разговор бабушки с мамой, вспоминала историю о Старой Константе. И внезапно поняла: мама и бабушка делали то же самое, что и дядя Андрей, когда писал свои поэмы.

Иногда важно не что ты говоришь, а что оставляешь между строк.

Правда или вымысел

Первый раз после побега из дома мама позвонила родителям, когда родилась я. В воспоминаниях, которые на самом деле не мои, эта история меняется в зависимости от настроения. Если я злюсь, то и мамин голос, и голоса её родителей звучат сердито.

– У меня теперь есть своя дочь, и вы никогда её не увидите! – кричит мама в трубку.

– Да не больно-то хотелось! – кричат в ответ бабушка с дедушкой, с грохотом бросая трубку на телефонный аппарат.

Если мне грустно, то и их голоса звучат печально.

– Мама? Папа? – говорит мама дрожащим голосом. – У вас теперь есть внучка.

– Лиза? Лиза, милая, это ты? – ахает бабушка. А дедушка ничего не говорит – он плачет.

Почти все свои писательские фишки я позаимствовала у папы или дяди, но привычку не рассказывать одну и ту же историю одинаково взяла от мамы.

– Как же кто-то другой сможет пересказывать твои истории, если ты постоянно их меняешь? – спрашивал дядя Андрей.

– Другие не должны рассказывать мои истории по-моему, – отвечала я. – Они должны рассказывать их по-своему.

– Но нельзя же бесконечно писать одну историю, – замечал папа. – Рано или поздно тебе придётся её закончить и больше не трогать.

В ответ я лишь закатывала глаза.

Больше всего я любила менять историю, в честь которой меня назвали. Разумеется, это было просто – ведь я не знала настоящую концовку. Если, к примеру, у меня выдавалась скверная неделя, принцесса Ильяна сразу понимала, что сёстры её обманывают, и, вместо того чтобы выполнять их дурацкие просьбы, отрубала им головы.

Мама же больше всего любила менять историю о том, как сбежала из деревни. В версии, которую она рассказывала мне чаще всего, была весна, маме исполнилось семнадцать, и больше всего на свете она любила музыку. Всё свободное время мама проводила у мясника – слушала радио. Особенно сильно она любила Марию Лэтэрцу, Ирину Логину и других фолк-певиц, а если рядом не было посторонних, мама убавляла звук и господин Юрсу пытался поймать сигнал «Свободной Европы». Долгими часами мама сидела, прижав ухо к динамику, и сквозь помехи подпевала американским песням. Неудивительно, что музыка просочилась через её кожу и пропитала маму насквозь – она ведь очень близко сидела к приёмнику. И неудивительно, что в голову ей пришла мысль уехать в город и поступить в музыкальный колледж, чтобы стать певицей.

Несколько месяцев она трещала без умолку, рассказывая родителям, какие предметы хочет изучать, как изменится её жизнь вдали от дома, где не будет цыплят, коз и не надо будет всё время заниматься хозяйством. Видимо, они понимали, что дочь настроена серьёзно и правда собирается уехать: однажды мама вошла, пританцовывая, в дом, а в кухне за столом возле растопленной печи её поджидали родители.

– Мы тут разговаривали с ветеринаром, – сказала бабушка. – Теперь его сменит сын.

– Да? – спросила мама с притворным интересом.

У неё были длинные тёмные волосы, заплетённые в косу под косынкой, маленький аккуратный нос, сияющие карие глаза, а под платьем с многослойными юбками уже угадывались женственные изгибы её фигуры. Все считали маму красавицей. Деревенские парни, в том числе и сын ветеринара, пытались за ней ухаживать, но мама думала лишь о музыке.

Она подняла голову и посмотрела на родителей – те не сводили с неё глаз. Мама фыркнула.

– Да уж, представляю, какой из Свинорылого Петре выйдет ветеринар! Помните, как он верещал, когда я гонялась за ним с лягушками в руках?

Дедушка не улыбнулся.

– Пожалуйста, Лиза, послушай. Нам надо тебе кое-что сказать.

– Что? – спросила мама, наконец посерьёзнев.

– Петре подумывает жениться, – сказала бабушка.

Мама вскинула голову. Положила руки на колени. И тихо проговорила:

– Не понимаю, какое это имеет отношение ко мне.

– Вы друг другу подходите. И всё уже сговорено, – сказал дедушка.

Мама вздёрнула брови.

– Ах, вот как.

– Он славный парень, – продолжила бабушка. – И ты ему нравишься ещё с детства.

Но мама покачала головой. Встала из-за стола.

– Вы же не думали всерьёз, что я соглашусь на такое?! Я еду в город! Буду певицей!

– Лиза, хватит молоть чушь! – прикрикнула на неё бабушка. – Если тебе так нравится петь, пой для себя хоть каждый день, но песнями сыт не будешь!

– В твоём возрасте я бывал в городах, – сурово проговорил дедушка. – Поверь, здесь ты будешь счастливее.

– Я не выйду за Петре, – отрезала мама. – И клянусь, ни дня тут больше не останусь!

Сказав это, она начала собирать вещи.

Или подождала, пока родители лягут спать.

Или этот разговор повторился несколько дней спустя.

Или ничего этого вообще не было.

В большинстве версий этой истории всегда есть спор с криками и слезами. Почти во всех версиях маму хотят выдать замуж против её воли, и она покидает дом с тяжёлым сердцем.

Однако во всех версиях истории, как её ни рассказывай, семнадцатилетняя девушка понимает, что родители, которые сильно её любят, не дадут ей жить так, как хочется, поэтому она сбегает из дома не попрощавшись. Складывает в рюкзак одежду, тетрадку с песнями и две любимые подушки с кровати. Зажигает фонарь и забирает немного денег из комода в спальне родителей. И на столе рядом с печкой оставляет письмо.

В некоторых версиях, которые мама рассказывала мне в раннем детстве, она спускается с гор в кромешной тьме. В руке у неё фонарь, за плечами рюкзак, и она идёт по узкой извилистой тропинке через лес. Маме страшно, но она высоко держит голову и смотрит вперёд. В других версиях по пути ей встречается мясник, который везёт в фургоне овец, и дальше мама едет в кузове. В конце концов она добирается до станции на краю света.

Когда я привередничала из-за баклажанов или ныла из-за телевизора, когда устраивала истерику и грозила, что сбегу из дома, мама рассказывала мне о том, что по лесу шныряли дикие звери, а среди ветвей ярко светились чьи-то жёлтые глаза.

Когда мама скучала по дому, она описывала запах жареных колбасок, вкус свежего молока и яиц, стрекот бабушкиного ткацкого станка.

Я частенько пыталась понять, какая версия истории правдива. Дедушка плакал у порога? Мама ехала в кузове грузовика вместе с овцами?

Она никогда не жалела, что сбежала?

Папа научил меня почти всему, что я знаю об историях. Благодаря дяде я поняла, что писателем можно стать. А мама показала мне, что если историю рассказывать очень долго, то отличить правду от вымысла становится всё сложнее.

Что гложет меня изнутри

Три дня и три ночи я не выходила из дома. Вспоминала мамин голос в телефонной трубке – он звучал совсем рядом, но его было не расслышать. И думала о том, как она сбежала отсюда, где я сейчас. Три дня и три ночи я расхаживала по скрипучим половицам и слонялась между кухней и маленькой комнатой. Доставала из рюкзака спрятанный кусочек шоколада и пожирала его взглядом – съесть или не съесть за раз? Но потом заворачивала в бумажку и снова прятала.

Когда бабушка и дедушка ушли работать в поле, я поднялась по приставной лестнице и, толкнув деревянную дверцу в потолке, заглянула на чердак. В нос ударил резкий и едкий запах. С балок свисало что-то большое и бесформенное. В темноте я не сразу разглядела, что это туши животных – таким способом вялили и коптили мясо. С перепугу я чуть не грохнулась с лестницы.

Я не хотела сидеть взаперти в этом старом и страшном доме, но ходить в деревню не хотела ещё сильнее. Если я со всеми перезнакомлюсь, это будет значить, что я тут остаюсь. Но на сколько? На неделю? Месяц? Навсегда?

Сохранять спокойствие мне удавалось, только если я мысленно говорила себе, что родители приедут за мной в любую минуту. Выяснится, что Секуритате перепутали квартиры и не там установили жучков. А дядя просто уехал в отпуск. А Большая Книга лежит в целости и сохранности под моей кроватью. Незачем мне ходить в деревню, и на улицу я выйду, только когда поеду домой.

Так что когда бабушка с дедушкой спросили, не хочу ли я прогуляться до нашего поля, я покачала головой.

– Нет, спасибо.

Когда они предложили познакомиться с местными ребятами, я вежливо отказалась.

– Не нужно. Мне нравится быть одной.

Когда дедушка принёс в дом только что вылупившегося цыплёнка, пытаюсь выманить меня на улицу посмотреть на животных, которых они держали у себя, я погладила птенчика

пальцем по пушистой головке и, как загипнотизированная, пошла за дедушкой к двери. Но мне вдруг пришло в голову, как здорово будет нарисовать крошечных пушистых цыпляток на полях страницы и написать историю о том, как один из них влюбляется в девочку вроде меня и становится её лучшим другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.